

**ИРИНА
МИРОШНИЧЕНКО**

**ИРИНА
МИРОШНИЧЕНКО**

РАССКАЖУ...

Москва
Издательство АСТ

УДК 792(092)
ББК 85.334.3(2)
М64

В книге использованы фотографии из архива И. Мирошниченко

Мирошниченко, И.П.

М64 Расскажу... / Ирина Мирошниченко. — М.: Издательство АСТ, 2017. — 352 с.; ил.

ISBN 978-5-17-982765-8 (Книга Ирины Мирошниченко)

ISBN 978-5-17-982764-1 (Контур времени)

В книге замечательной актрисы советского и российского театра и кино Ирины Мирошниченко рассказывается о наиболее значимых событиях ее жизни. Погружаясь в чтение, вы ощутите присутствие автора, «услышите» ее голос, настолько искренне и доверительно ведет она свое повествование. Книга полностью оправдывает свое название — «Расскажу...», поскольку написана она как плавная живая речь. Это монолог актрисы, которая хочет, чтобы в ней увидели человека — тонко чувствующего красоту мира, жадного до жизни, страдающего и любящего.

УДК 792(092)
ББК 85.334.3(2)

ISBN 978-5-17-982765-8 (Книга Ирины Мирошниченко)
ISBN 978-5-17-982764-1 (Контур времени)

© Мирошниченко И.П., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Здравствуйте, мои дорогие читатели, если хоть кто-нибудь купил эту книжку, первую в моей жизни и, естественно, самую что ни на есть трепетную и искреннюю, надеюсь. Поскольку никогда этого не делала, но вдруг очень захотелось. Захотелось рассказать. Что рассказать? Свою жизнь, людей, время, ощущения. Может быть, что-то из своей профессии. Может, вам будет просто интересна моя жизнь. Но всегда, наверное, трудно осознать ее, и всегда кажется, что ты ее познаешь как никогда точно и остро именно сегодня. Поэтому я и хочу начать с сегодняшнего дня. А сегодняшний день — это XXI век, это 2008 год. На дворе лето. Только что открылся 30-й Международный кинофестиваль. На котором я была гостьей, не более того. Дань уважения за прежние заслуги, за многолетнее присутствие и все-таки приобщение к кинематографу советскому и чуть-чуть российскому, но больше — советскому. Красная дорожка, по которой я пошла уже не в первый раз, к сожалению, не со своим фильмом, не со своей съемочной группой, а просто пригласила к себе в партнеры молодого актера нашего театра, талантливого, интересного, очень интеллигентного и скромного, с которым просто красиво можно было пройти по красной дорожке.

Девятнадцатого июня подъехали на машине, не как всегда, когда я опаздываю, а чуть ли не первыми. А время уже было начинать. Открыли какие-то створки при входе на эту красную дорожку, и вот мы пошли. Я долго готовилась к этому торжественному выходу, потому что была паршивая погода и я не знала, что надеть. Конечно, красивое вечернее платье. Но поскольку на дворе, еще раз повторяюсь, 2008 год и мне уже, увы, достаточно много лет и огромное количество болезней и впереди я должна сыграть заключительный спектакль этого сезона, «Чайку», в Московском Художественном театре, в котором я работаю всю жизнь, то мне нельзя простужаться. Я поверх этого вечернего платья надеваю какое-то совершенно сумасшедшее, очень красивое, от Сергея Сысоева красное пальто-балахон, закутываюсь и вот по этой красной дорожке в красном пальто я выхожу, и вдруг — взрыв аплодисментов, крики, свист и «Ирина!», «Ирина!», «Ирина!». Протянутые руки и желание получить автограф. Я перехожу от одной группы людей за бортиком к другой, нервно подписываю фото и билетики. Не скрою от вас, сердце зашло от счастья, хотя я понимаю, что здесь стоит очень много молодежи, которая, может быть, меня не знает, не помнит и совсем знать не хочет. Теперь другие фамилии, другие имена. Но тем не менее кричат. А может, все-таки знают? Среди них есть и поколение мое. Вот этот прием и пронзительные, восторженные крики — это дорогого стоит. Ты понимаешь, что, наверное, за этим стоят годы жизни, мучения, работы, успеха, провалов, порой унижений. Трудных лет. Разных. Моя жизнь. Мне это было очень приятно. Хотя еще раз говорю, и говорю совершенно откровенно, я понимала, что у меня нет фильма, что я сегодня не снимаюсь в новых кинолентах. Что ко мне не может быть такого

повышенного интереса, как ко всем сегодняшним фамилиям, и это нормально. Нет комплекса по этому поводу. Есть, конечно, внутреннее сожаление и желание: а может, что-то еще сделать? А может, как-то судьба повернется и все будет по-другому? Не знаю. Эти чувства есть. Но важно одно. Мне показалось, что я еще нужна людям. И поэтому мой рассказ и мое желание общения с вами — оно не супертщеславие, не желание напомнить о себе, а, наверное, искренняя необходимость. Конечно, хочется всегда начинать с детства. Но я все равно пойду другим путем. Все ассоциативно от сегодняшнего дня. Итак...

Смотрю по телевизору футбол, который в жизни никогда не смотрела. Вообще этим не интересуюсь. Брат у меня был спортсмен, а у меня как-то так с футболом никаких взаимоотношений, кроме... кроме одного, потом расскажу. Почему стала смотреть футбол? А потому что накануне у меня дома были друзья — Николай Скорик, режиссер Московского Художественного театра, с которым мы много лет работаем вместе и дружим. Дружим с ним, с его женой Танечкой Розовой, дочкой великого драматурга Виктора Сергеевича Розова. С ней мы играли в спектакле «Эквус» в постановке Коли. Сейчас играем в «Немного нежности». И самое главное — за плечами «Чайка». Коля был ассистентом у Олега Николаевича Ефремова, который ее поставил, а потом сделал новую редакцию этого спектакля, который я играю по сегодняшний день. Так вот, они накануне этого футбольного матча были у меня дома. И оказывается, Танюшка — жуткая болельщица. Она просто рвалась домой, прервав ужин, потому что начинался футбол. Я говорю: «Прекрати. У меня в принципе есть телевизор, смотри». Она ушла в другую комнату. Мы с Колей сидим одни, что-то обсуждаем, и вдруг слышим вопли, стоны, крики: «Ну давай! Бей!» — «Слушай, она у тебя какая-то ужасно азартная. Да?» — го-

ворю я. Таня в ответ оттуда: «Вы ничего не понимаете, это так интересно! Потому что это настоящая жизнь, это сиюминутно. Как театр».

Черт возьми, на следующий день играют наши. Ажиотаж по телевидению весь день. Я живу на Тверской. Без конца ездят какие-то фанаты, ходят с флагами, шум, гам. Ну, думаю, посмотрю. О Боже, оторваться не могу. Сама, как дурында, сижу в кресле, потом мне кажется, что пора бить: «Ну что ж ты, бей!» Такие чудные ребята, такие молодые, такие очаровательные и такая внутри гордость, что они такие озорные, азартные, одержимые, сильные. Вдруг я почувствовала невероятное ощущение радости и гордости за них и тут же вспомнила 1967 год, почему, собственно, об этом и рассказываю. Тогда от Совэкспортфильма с моим первым большим фильмом «Их знали только в лицо», который был куплен очень многими странами, меня послали в составе делегации, ну делегация была небольшая: я и представитель Совэкспортфильма, в две страны — в Гвинею и Сенегал. Так вот началось все в Гвинее. И в этой Гвинее, в которую я приехала впервые, в Африку, в чернокожую страну, ужасно для меня все было интересно. И более того, приехала я не туристкой, как сейчас модно, а кинозвездой от Советского Союза. От огромной страны. И вот мне почет, уважение и прием в нашу честь в посольстве. Когда я должна была выступать в одном открытом кинотеатре и наконец вышла на сцену, вдруг часть зрителей, увидев меня и устроив овацию, запрыгнули на лавки. Тут не кричали «Ирина!». Они не могли выговорить мое имя и фамилию. Просто улюлюкали от восторга, потому что, наверное, что-то стояло перед ними диковинное — беленькая, худенькая — другое, чужое. А может, для них красивое.

Потому что часто, когда мы там ездили или ходили куда-то, просто подносили детей, чтобы они ко мне прикоснулись, как к чему-то солнечному, чужеродному, чему-то странному и, может быть, даже чуть-чуть божественному — как мне переводили.

Так вот, в рамках этого действия и приема нашей делегации однажды на меня возложили очень почетную миссию: выйти на футбольное поле, где должны были играть сильные футбольные команды. Выйти с их министром культуры, худеньким, очень интеллигентным, прекрасно говорящим на французском языке, поскольку он учился в Сорбонне, очень красивым, как мне казалось, человеком и очень деликатным. Мы с ним должны были выйти в центр поля, и я должна была сделать первый удар. Но у меня каблуки, белое платье, и вот я по этому травяному полю первый раз в жизни ступаю, проваливаюсь этими самыми каблуками, иду на цыпочках, держа марку, статью, рост и вообще «звездность». Весь стадион улюлюкает. Я с трудом дохожу до центра и думаю, как бы мне попасть по этому мячу, который передо мной лежит, и как бы так исхитриться, чтобы все-таки какой-то удар получился. Я как-то неуклюже разбежалась и ударила, но туфля, естественно, подло упала, и я осталась с босой ногой. Вторая нога в туфле, но мяч все-таки полетел, его тут же подхватили футболисты. Я спокойно наклоняюсь, снимаю вторую туфлю и босиком обратно к нам, в начальственную ложу. Естественно, что эта ассоциация возникла у меня, когда я смотрела наш матч.

Что-то здесь нас роднит. Роднит, наверное, то, что я тогда тоже представляла огромную страну. И нельзя было уронить достоинство и честь огромной державы даже в мелочи. Это невероятное ощущение, которое я понимала

даже тогда, когда была совсем девчонкой с первым фильмом. А каково же ощущение наших ребят сегодня? Они совсем молодые, может, еще моложе меня, и борются, сражаются за честь России. И я подумала, глядя на них, что неважно, кто они, социально равны или не равны, к какому клану или социальному слою относятся. Но есть нечто общее, что их все равно роднит. И даже через столько лет я вдруг абсолютно точно вошла в воспоминания и поняла, что люди очень похожи. Но пройдут годы, может быть, нас не будет, «изменится мода, изменятся пиджаки, но жизнь будет все равно все та же. Полная тайн и счастливая». Почти такими же словами, увы, повторяюсь, говорил великий Чехов. Я играла на протяжении многих-многих лет в спектакле «Три сестры» Машу, где точно так же сидят, как сегодня, и пытаются пофилософствовать Вершинин, Тузенбах, Маша о том, какая будет жизнь через двести лет. Но вот играя тогда, я так остро не задумывалась о том круге мыслей, которые сейчас у меня рождаются по прошествии довольно многих лет. Потому что я вдруг понимаю, что Чехов писал удивительно проникновенно и точно. Вот поэтому он и гений. Предугадав вперед все то, что потом человек может испытывать. И приблизительно эти же самые мысли возникают у каждого, наверное, человека. В минуты, когда ему бывает очень трудно. В минуты, когда он кого-то лишается, кого-то хоронит, с чем-то прощается. Может быть, прощается со своей любовью, со своей надеждой. Может быть, наступает какой-то другой период жизни. Когда его жизнь побилла, и он понимает, что все равно надо, надо жить.

И это все описывается в пьесах Чехова. Эти чувства, эти ощущения. Поэтому невольно сразу же хочется перенестись совершенно в другой мир. В мир моей профессии.

Когда ко мне приезжают журналисты практически в преддверии книжки, всегда спрашивают о детстве. И я начинаю вспоминать. А однажды я приехала с одной съемочной группой во дворик. В свой дворик детства. Мы смотрим — мое окошко. Камера снимает. Я трогаю ностальгически это окошко, которое уже почти не такое, какое было. И весь этот дворик, который уже почти весь по-другому сделан. Все с какими-то с железными воротами, с заборами. Ну вообще другая жизнь. Охрана ходит. Тогда все было иначе, конечно. Но тем не менее вдруг из соседнего подъезда выходит какая-то тетя. Не скрою от вас, даже не понимаю, кто это. Подходит ко мне и говорит: «Ирочка, ты меня не узнаешь?» Но, поскольку таких ситуаций у меня за жизнь было ну, тысячи, не преувеличиваю, я тут же улыбаюсь: «Конечно, конечно». Она: «Ты помнишь, как мы тут с тобой в детстве играли?» — «Конечно!» — говорю я, абсолютно не помня, истерически начинаю вспоминать, как ее зовут, как она выглядела и вообще, какая она была, но вида не подаю. А она говорит: «А я вот тебя помню! Тебе было лет шесть, стояла такая страшенькая, две косички, улыбка — рот до ушей, хоть завязочки пришей, так мы тебя все и звали. Зубы — через один. И на вопрос: “Ирочка, кем ты хочешь быть?” — ты всегда отвечала: “Кинозвездой”, — а мы хохотали». Я говорю: «Правда?» И, честно скажу, мне стало безумно стыдно, потому что я себя такой просто не помню. Я даже не предполагала, что такое могло бы быть. Я себя помню ужасно застенчивой, очень скромной, тихой, послушной. Меня никогда мама и папа не то что не били, не ругали. Как-то так сложилось, я всегда была послушная, хорошая ученица, такая хорошистка, правильная. Очень тихая. Чтобы я в шесть лет такое сказала! — это сработало подсознание. Что пора-

зительно. И по прошествии стольких лет я думаю: «Черт возьми, как интересно устроено. Наверное, об этом я мечтала. Наверное, мне это очень нравилось». Хотя не было такого телевидения, как сегодня. Не было таких безумных реклам, огромного количества фильмов. Откуда взялась такая информация, не знаю. Наверное, от мамы, потому что она очень хотела, чтобы я была актрисой. Намного позже, когда она была уже совсем в преклонном возрасте, я стала выпрашивать ее, как я рождалась, как она меня вообще родила. Так вот она рассказала, что рожала она меня в роддоме в Барнауле, в эвакуации. Этот роддом она вообще не помнит. Очень мучилась. К пяти утра я наконец-то стала выбираться на свет божий, и мама вдруг увидела в окне, как на темном небе загорелась звезда. И она загадала: чтобы у нее то, что родилось, стало звездой. Рассказала она мне об этом, правду вам скажу, очень поздно. Недавно, практически перед своим «уходом». Но вот ее это неистовое желание, чтобы я кем-то стала, чтобы я стала действительно актрисой, чтобы я стала знаменитой, чтобы я что-то совершила в этой жизни, чтобы жизнь не прошла зря, наверное, и двигало мной. Не скрою, я ужасно на нее сердилась, злилась, была в жутком протесте, потому что мне казалось, что это все не нужно, все наносное, что это все фигня, и абсолютно слава не нужна. Она меня мучает, истязает без конца какими-то претензиями, что я это плохо делаю, это плохо играю, что я неправильно пою, что я неправильно одеваюсь, что я неправильно себя веду. Она все время меня, как мне казалось, муштровала. А теперь я понимаю, что она просто очень хотела, чтобы я стала лучше, и, конечно, просто безумно меня любила, она хотела, чтобы я достигла какого-то совершенства, которого все равно на свете нет. Я понимаю, есть вот это желание само-

совершенствоваться, становиться лучше и лучше. И предела для этого тоже нет. Человек должен быть заряжен внутренней энергией, которая может тебя вести по жизни. Прошло много-много лет, мне предлагают прилететь в город Барнаул с сольными концертами. Я говорю: «Давайте летом. У меня отпуск. Тем более, 24 июля у меня день рождения». — «Да? Ой, как здорово! Мы сообщим мэру, будем вас ждать». Лет семь или восемь назад я ездила летом в Барнаул. И они для меня приготовили невероятный сюрприз. Повезли меня на улицу, где сохранился родильный дом, в котором я была рождена. И выдали мне специальную метрику, представляете? И увидела я этот дом — бревенчатый, в те военные годы, наверное, без отопления, без горячей воды. А мне матушка всегда казалась такой барыней-королевой. Такой дворянкой-аристократкой. Она себя так ощущала и так всегда в жизни себя вела и так жила. Я как вдруг представила, что она в таких условиях, тем более война, папа на фронте, а ее приютили и поселили на какую-то кухню. Вот на этой кухне она, пузатая, с сыном, неизвестно что ели, по каким-то карточкам.

Как она рассказывала позже, делала драники из картофельных очисток. На каком-то машинном масле. И вот там, в тех условиях, она меня родила. Обменивала свои туалеты, которые у нее были замечательные, и, слава Богу, что она успела захватить тюк со всей своей одеждой и этим потом расплачивалась на рынке. И кровь сдавала для того, чтобы что-то купить, чтобы меня и брата прокормить.

У меня слезы из глаз, и сердце зашло от благодарности, от обиды, что сегодня совершенно другая жизнь, от обиды за то, что, наверное, я так мало ей отдала в ответ. От какой-то внутренней вины. И мне так захотелось все

вернуть и все начать сначала. Но, увы, это невозможно. Если кто-то читает, и вы еще молоды. Если у вас есть мама. Послушайте меня, прошу вас, вы потом будете очень жалеть. Попробуйте не сердить ее. Не обижать ее. Попробуйте побольше уделять ей внимания. Я рассказываю это и плачу. Со мной теперь нет мамы. Она могла бы сказать: «Ты остаешься ребенком, сколько бы тебе не было лет, только до той поры, пока у тебя есть мама». Потому что, когда ты ее потеряешь, в этот миг ты остаешься на земле сиротой. Нет папы, нет мамы, и ты невольно — абсолютно одинокий взрослый человек. Дети и внуки — это все другое. Ты не можешь сказать слово: «мама». И твое детство, беззащитное внутренне, уже не уверено в том, что ты можешь в любой момент снять трубку, позвонить, или написать, или прийти и уткнуться в плечо. Даже если ты этого не сделаешь, но ощущение, что ты это можешь, дает тебе невероятные крылья и силы и оставляет тебя еще в душе большим, может, иногда старым, одиноким и несчастным, как тебе кажется, а может, счастливым, сильным и независимым, но все равно ребенком.

Так вот, в этом Барнауле я замечательно выступила, получила картину в свой день рождения в подарок, которая у меня вот здесь висит, какого-то барнаульского художника. И приехала в Москву. И стала все это рассказывать своей мамульке. Она стала охать и ахать. Сказала, что почти ничего не помнит. И как-то так мы эту страницу Барнаула, которая была очень короткая, перевернули. Единственное, что мне мама рассказала, это то, что как мы вообще оказались в Барнауле. Вернее, она, со мной в животе, но все равно я была! И как я вообще появилась, и как мама меня довезла до этого Барнаула из Москвы. По ее словам, в 41-м году немцы подошли очень близко к Москве. Папу